

© М. Ривс

МИГРАЦИЯ, МАСКУЛИННОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ДОЛИНЕ СОХА, УЗБЕКИСТАН

Ключевые слова: миграция, маскулинность, Узбекистан, гендер, домашнее пространство

В статье исследуются взаимосвязь гендерно окрашенной миграции и трансформации социального пространства в селениях Сохского р-на Ферганской обл. Узбекистана; для Соха характерны значительные потоки сезонной миграции в российские города. Автор показывает, что взаимовлияние миграции и маскулинности позволяет понять многое в гендерной и возрастной динамике в Сохе. Сезонная работа в России может закрепить статус и идентичность юноши как “мужчины”, но вместе с тем полна жизненного и эмоционального риска. В то же время факт частого отсутствия мужчин на месте дает дополнительные шансы тем, кто не может или не хочет покидать город, и этот фактор способен повлиять на миграционную динамику в будущем. Выводы о том, что миграция приводит к распаду браков, автор считает преждевременными и указывает на необходимость исследования проблемы не с точки зрения патриархии и консерватизма сельского сообщества, а с точки зрения гендерных и возрастных иерархий, роли сообщества и семьи в формировании сегодняшнего образа маскулинности.

В статье исследуются взаимосвязь гендерно окрашенной миграции и трансформации социального пространства в нескольких селениях Сохского р-на (тумана) Ферганской обл. Узбекистана; жители изучаемых селений связаны друг с другом родственными узами. Как и для многих других сельских районов Центральной Азии, для Соха характерны значительные потоки сезонной миграции в российские города; мигранты из Соха заняты на рынках и в неформальном строительстве в Южной Сибири. Миграция из Соха имеет гендерную специфику: несмотря на то, что отмечаются редкие случаи семейной миграции – когда муж и жена уезжают вместе, чаще всего в сопровождении детей, – подавляющее большинство сезонных мигрантов из данного региона составляют мужчины.

“Мужское лицо” внешней миграции является предметом серьезных обсуждений и споров в местном сообществе. Некоторые в Сохе считают ее знаком “культурности” и уважения к женщинам, поскольку от них не требуют работы вдали от дома; другие считают исключительно мужскую миграцию знаком отсталости и патриархальности. Местные жители также считают, что длительное отсутствие большого количества молодых мужчин оказывает серьезное воздействие на структуру и динамику семьи: женщины вовлекаются в общественные работы в кишлаке; отъезд мужчин зачастую приводит к открытым конфликтам между молодыми невестками и семьей их мужей по вопросам распределения денежных средств, которые мигрант переводит домой, и распределения домашних обязанностей.

Цель настоящей статьи – исследовать трудовую миграцию из Центральной Азии как гендерно окрашенного пространства, уделяя особое внимание влиянию миграции на сферу маскулинности в Сохе. Мужская и женская миграция как отдельные фено-

мены широко освещаются в растущем массиве публикаций по трудовой миграции из Центральной Азии¹, однако гендерным аспектам миграции пока не уделялось значительного внимания. Это, например, вопрос о том, как понимание “правильного” мужского и женского поведения влияет на решение о миграции, с одной стороны, и как собственно миграция воздействует на конструирование нормативных идей маскулинности и фемининности, с другой². В научных трудах и публичном дискурсе о миграции из региона мужчины являются основными акторами, но, тем не менее, преимущественно рассматриваются в каком-либо одном измерении: кормильцы своих семей или же патриархи (главы семей); трудящиеся или жертвы. В моем анализе я следую призыву Филиппо и Кэролайн Оселла (Filippo and Caroline Osella) уделять внимание способам, которыми миграция может «оказывать влияние на локальные рамки “Я” и субъективности (self and subjectivity)» (Osella F., Osella C. 2000: 117). Я задаюсь вопросом, каким образом понимание роли “хорошего” отца, сына или мужа влияет на решение остаться дома или уехать на заработки в другую страну? Как нестабильность работы и зачастую труд в условиях эксплуатации, без оформления легальных отношений с работодателем воздействуют на мужскую идентичность? Как давление со стороны членов домохозяйства и местного сообщества отражается на способах инвестирования и распределения денежных переводов мигрантов? По моему мнению, миграция и маскулинность взаимно влияют друг на друга, что отражает сложность гендерной и поколенческой динамики в современном Сохе. Работа в России способна упрочить и подтвердить статус и идентичность молодого человека как *мужчины*, но одновременно заключает в себе экзистенциальные и эмоциональные риски. Одновременно в ситуации широкомасштабной мужской миграции становятся значимыми негативные следствия того факта, что они “остались позади” для тех мужчин, кто по каким-то причинам не может или не хочет уехать работать “в город”. И эти последствия могут стать важными для развития миграционных процессов в будущем.

Теоретические размышления о маскулинности в Центральной Азии. Сложное взаимодействие миграции и маскулинности, как мне представляется, наилучшим образом может быть выражено подходом, в котором гендер понимается как социально изменчивое явление. Как отмечает Нэнси Линдисфарн (Nancy Lindisfarne): “В описаниях антропологов гендерные идентичности зачастую представлены в идеализированном, гегемонном виде, при этом меняющаяся реальность опыта людей того или иного пола игнорировалась” (Lindisfarne 1994: 82). Это особенно явно проявляется в анализе маскулинности в мусульманских сообществах; Магнус Марсден (Magnus Marsden), изучая мужские музыкальные собрания в Северном Пакистане, отметил в этом контексте тенденцию рассматривать маскулинность в сельских мусульманских сообществах как «жесткую, негибкую и заданную неизменяющимися кодексами чести и системой “патриархальности”» (Marsden 2007: 475). В моем анализе я рассматриваю маскулинность не как устойчивую принадлежность личности, которая “задана” биологически, не просто как нормативный комплекс практик и ролей, но как характеристику, которая возникает внутри комплекса гендерных отношений, который Р. Коннелл (R.W. Connell) называет “структурой социальных практик” (Connell 1995: 71). Эти социальные практики соотносятся с биологическими характеристиками – “гендер... постоянно соотносится с телом и тем, что делает тело”, однако гендер не определяется биологией, а также не сводится к половому диморфизму. Несомненно, в таком прочтении гендер существует “именно в силу того, что биологические характеристики *не* определяют социальных” (Connell 1995: 71).

Данные теоретические рамки существуют для моего анализа; в первую очередь, это позволяет нам отойти от эссенциалистского понимания маскулинности. При этом мы принимаем в расчет тот факт, что тело действительно имеет значение. Когда гендер понимается в таком значении, становится возможным, как отмечает Н. Линдисфарн, “задать вопрос, каким образом люди осмыслиют для себя гендер и как гендерно

окрашенные идентичности могут превращаться в конкретные понятия, выражающие очевидные абсолютные различия между мужчинами и женщинами” (*Lindisfarne* 1994: 82). Во-вторых, что значимо при изучении гендерного измерения трудовой миграции, такой подход позволяет нам исследовать маскулинность и фемининность как относительные характеристики идентичности. Эти характеристики возникают в практиках и являются социально организованными – таким образом, для любого общества в любой исторический момент существует репертуар “мужских” и “женских” ролей, которые индивид изучает и осуществляет с самого раннего возраста. Этот набор ролей не является неизменным – репертуар меняется в течение жизненного цикла и в разные исторические периоды. При этом, как показывают исследования миграции, новые аспекты мобильности (или ее отсутствия) могут вести к иному пониманию гендерных ролей; роли, которые ранее воспринимались как данность, становятся предметом обсуждения и переосмысления³.

При изучении меняющегося гендерного порядка в Центральной Азии данный подход может помочь дополнить теоретические взгляды на маскулинность. В последнее время значительное развитие получили исследования женщин Центральной Азии, включая детальное комплексное освещение значения хиджаба и дискуссии по проблеме “множественной модерности” женщин Южного Киргизстана, дилемму вступления в брачный возраст для девушек-подростков в контексте резких социальных изменений, использование молодыми женщинами “сексуальных стратегий” в качестве ресурса для выживания в условиях городской среды в Казахстане, мобилизацию понятия “стыд” для объяснения социального и сексуального конформизма среди молодых женщин⁴.

В то время как при изучении изменений в регионе Центральной Азии этнографы зачастую рассматривали мужчин как основных акторов, сравнительно мало внимания уделялось маскулинности и ее социальной роли⁵. Эта ситуация характерна не только для работ по Центральной Азии. Как отметили Радика Чопра (*Radhika Chopra*), К. Оселла и Ф. Оселла в обзоре по этнографии Южной Азии, несмотря на то что маскулинность не является больше “темой умолчания” в гендерных исследованиях, теоретические работы посвящены преимущественно Европе, Северной Америке и Австралии (*South Asian Masculinities* 2004: 1). Ученые, исследовавшие маскулинность на современном Ближнем Востоке, в исламском мире в целом и в постсоветской России, приводили схожие аргументы о возможности применить, “перевести” теоретический аппарат, выработанный в науке для изучения маскулинности, для исследования данной проблемы вне пределов развитых стран Запада⁶. В случае Центральной Азии относительное отсутствие работ в этой области привело к парадоксальной ситуации: публиковалось значительное количество глубоких исследований по женской идентичности при малом объеме работ по мужской субъективности. В ряде исследований такой подход вел к характеристике мужчин в терминах неснижаемой агрессии и насилия, т.е. в рамках эссенциалистской парадигмы мужской идентичности. На протяжении многих десятилетий в трудах феминисток превалировало именно такое прочтение⁷. Как Андреа Корнуолл (*Andrea Cornwall*) и Н. Линдисфарн отметили во введении к одному из немногих сравнительных изданий по маскулинности: «ирония в том, что в логика феминизма как политической позиции часто требовала понимания “мужчин” как единой, оппозиционной [женщинам] категории» (*Cornwall, Lindisfarne* 1994: 1). Мне хотелось бы надеяться, что настоящая статья на материале миграции из Центральной Азии поможет раздвинуть рамки этой категории.

Исследование в “долине торговцев”. Тема маскулинности была частью более обширного полевого исследования на окраинах Ферганской долины, которое я проводила в период между мартом 2004 г. и сентябрем 2005 г. (*Reeves* 2008). Меня интересовала “живая география”, трансформации, связанные с появлением новых международных границ, изменения, которые это привнесло в работу пограничников, таможенных служащих, жизнь пастухов и торговцев; деятельность международных организаций, т.е.

все то, что делало новое административное деление значимым в повседневной жизни. По мере того как накапливался полевой материал, мне стало очевидно, что на повседневный опыт исследования пространства и расстояния, который и составлял предмет моего интереса, оказывало значительное влияние недавно возникшее явление широкомасштабной трудовой миграции молодых мужчин в Россию. Мне часто говорили, как будто бы в терминах военного времени, что молодые мужчины “ушли в город”, а на женщин и детей легла ответственность за обеспечение повседневных нужд семьи – деятельность, которую ранее выполняли мужчины.

Надежные статистические данные о том, кто уезжал и на какой работе был занят, для отдельных кишлаков или районов отсутствовали. В силу этого я решила дополнить глубинные интервью, которые я проводила в первый год работы, более систематическим обследованием домохозяйств, чтобы получить информацию об изменении масштабов миграции и стратегиях миграции в долинах Соха и Исфары. Далее будет представлен материал, который основан как на качественных интервью, так и на выборочном обследовании домохозяйств в долине Соха; данные были получены для каждой из четырех неформальных “зон” этого района⁸. Весной 2005 г. с помощью нескольких возвратных мигрантов и бывших школьных учителей я провела количественное исследование: число участников составило 361 чел., каждое интервью длилось в среднем 70 мин. Домохозяйства в каждой махалле отбирались методом случайной выборки – это обеспечивало равную вероятность того, что в выборку попадут как домохозяйства, где есть мигранты, так и те, где их нет.

Полученные результаты можно считать репрезентативными для данного региона и отражающими более общие тренды для южной части Ферганской долины. При этом экстраполяция полученных данных на другие регионы должна производиться с осторожностью. Анализ миграционных процессов в отдельном поселении или городе показывает исключительную локализацию миграционных стратегий. Например, какой-то конкретный российский город, который является очень “популярным” местом назначения мигрантов из одной махаллы, может практически не фигурировать в данных, полученных в другой махалле. Уровень миграции значительно варьирует в разных частях страны и даже в разных районах одной и той же области, и такие вариации не могут быть сведены только к экономическим причинам⁹.

Кроме того, Сох как регион Узбекистана имеет специфические черты, и эти отличия следует иметь в виду при попытке сделать более широкие обобщения на основе полученных материалов. Являясь административным и географическим анклавом, Сох является в некоторой степени аномалией в пределах узбекского государства. Сложное административное деление Ферганской долины возникло в результате национально-территориального размежевания, проведенного в 1920-х гг. Население района составляет 54 тыс. чел. и проживает в 23 махаллях. Сохский р-н назван по имени одноименной реки Сох, которая берет начало на территории Киргизстана и стекает с Алайского хребта на север в Ферганскую долину, формируя конус выноса в месте выхода на равнину. На этих плодородных землях выращивают пшеницу, кукурузу и рис; здесь также много яблоневых и абрикосовых садов. Как и несколько других подобных долин, снабжающих водой более экономически развитую Ферганскую долину, Сох изначально был соединен с Узбекской ССР тонкой полоской земли. В послевоенное время, с активным освоением новых посевных земель, эта земля была совместной, “арендованной” двумя союзными республиками. Здесь строили каналы и дороги, не обращая особого внимания, где проходит формальная административная граница республик. В результате на верхнем и нижнем окончании Сохской долины сформировалась “шахматная доска” – здесь обе стороны выдвигают друг другу претензии и спорят об изначальной собственности на эти земли, а административная граница двух государств пересекает несколько раз единственную дорогу, которая соединяет анклав с ближайшим г. Риштаном.

Сложность административного деления усложняется еще и тем фактом, что большинство населения района говорят на таджикском языке и считают себя таджиками, что создает, как выразился один из моих информантов, “двойную черту” изоляции от основной массы таджиков¹⁰. Ощущение культурной изоляции особенно остро у группы сохских мужчин, которые относятся к местной интеллигенции и работают преподавателями высших учебных заведений, музыкантами на свадьбах, врачами и фармацевтами, или же заняты в структурах районной администрации. Мне часто говорили, что самых способных и талантливых посылали учиться в вузы Ходжента и Душанбе; сейчас местным жителям добраться до этих городов очень сложно. Некоторые пережили гражданскую войну в Таджикистане – этот опыт оставил на них свой отпечаток. Многие мужчины имеют родственников в Таджикистане. Поддержание контактов с родственниками в форме телефонных звонков, писем, ритуальных визитов очень затруднено из-за двустороннего визового режима и высокой стоимости поездки на территорию другого государства (Reeves 2007).

Даже для тех жителей Соха, которые редко выезжали за его пределы в советское время, понятие “дома” было тесно связано и включено в “таджикское” культурное пространство. К примеру, школьные учебники сюда привозили из Душанбе, а не из Ташкента; профессиональные певцы приезжали для выступления на свадьбах из Ходжента, а не областного центра – г. Ферганы; система распространения прессы была построена таким образом, что газеты и журналы было проще получить из Душанбе. Большинство сохских женщин, которые окончили школу до 1991 г., воспринимают узбекский язык как иностранный, и, несмотря на растущее присутствие узбекского в общественной сфере, таджикский язык остается здесь основным языком общения в быту и общественных местах.

Истории миграции. Сохскую идентичность, *сохчилик* (So'xchilik), часто характеризуют как консервативную, которая является собой результат изоляции (как объяснял мне 45-летний Омид, автомеханик: “Посмотри на нас – здесь горы с четырех сторон. Здесь все меняется медленно”¹¹). Тем не менее в этом регионе также присутствует и явление, которое В. Гидвани (Vinay Gidwani) и К. Сиварамакришнан (K. Sivaramakrishnan) называют “невидимыми историями движения” (*Gidwani, Sivaramakrishnan* 2003: 339). Родственные связи, поездки на поминки, история освоения земель и вынужденных миграций из-за голода, предметы материальной культуры исторически объединяют Сох с разными местами в Таджикистане – как в самой Ферганской долине, так и “за горами”, т.е. по другую сторону Алайского хребта. Такие “отдаленные” места на моей ментальной карте Центральной Азии, как, например, Джиргиталь в таджикском Каратегине, в представлениях информантов были “близкими” – расстояние до них измеряли временем, за которое их можно достичь летом через горные перевалы, днями пути пешком или верхом на осле.

Воспоминания о передвижениях в прошлом дополняются новым опытом мобильности. Относительная изоляция региона и нехватка земли способствовали тому, что трудовая миграция здесь стала стратегией обеспечения домохозяйств значительно раньше, чем в других частях Ферганской долины. Даже во время существования Советского Союза сезонная торговля в России была источником дохода для многих семей в Сохе. Регион славится своими абрикосовыми садами, и мужчины старшего возраста, в особенности работавшие учителями при Союзе, вспоминают, как в летние месяцы они ездили в Уфу и Ульяновск продавать абрикосы¹². Слегка перевернув обычные пространственные характеристики “модерности” и “традиции”, один из моих наиболее искренних и проницательных информантов, Валиджон, пошутил, что когда американские астронавты впервые высадились на Луне, они обнаружили там сохских мужчин, которые прибыли туда первыми и уже расставили прилавки, чтобы продавать курагу всем желающим ее купить.

Продажа сохских абрикосов в России продолжается и по сей день, однако ее масштабы незначительны, а законодательный запрет иностранцам торговать на российских рынках (впервые вступивший в силу в 2007 г. – *Прим. пер.*) может ограничить ее и в будущем. Данные моего количественного исследования показали, что среди тех, кто выезжал в Россию на работу в середине 2000-х гг., 10% выехали впервые до 1991 г., и это старшее поколение мужчин, которое доминирует среди всех занятых в рыночной и оптовой торговле¹³. При этом многие информанты отмечали, что в постсоветский период трудовая миграция приобрела качественно новые характеристики, и сфера строительства, в особенности неквалифицированная “черная работа”, в настоящее время значительно более распространена среди сохских мигрантов, чем рыночная торговля.

Количественные данные подтверждают наблюдения информантов по поводу постсоветской трудовой миграции. Среди домохозяйств, имеющих одного и более мигрантов, работавших в России, 13,7% мигрантов впервые выехали на работу в 1997–1999 гг., 37,3% – в 2000–2002 гг., а 30,4% осуществили первую поездку в 2003 г. и позже. Исследование проводилось в начале 2005 г., еще до массового сезонного отъезда молодых людей в Россию (уезжают в середине марта – мае); при этом процент домохозяйств, где в момент опроса как минимум один человек работал в России, был очень высок – 44,3%. Было опрошено 361 домохозяйство; 78,1% указали, что один или более членов домохозяйства¹⁴ выезжал в Россию на заработки как минимум один раз за последние пять лет. Если оценивать число людей, которые включены в мигрантскую экономику – организующих перевозки и пересылку денежных средств, работающих как посредники (*миёнараб*), т.е. чьи заработки зависят от экономики миграций, то мои данные показывают, что 4/5 сохских домохозяйств напрямую зависят от сезонной миграции как составляющей значимую долю в бюджете или вообще единственного источника дохода.

Причины такого нового явления экономической зависимости коренятся, в частности, в хорошо описанном в литературе упадке сельских регионов после распада Советского Союза. Сох, численность населения которого сравнима со среднеазиатским городом среднего размера, вообще не имеет промышленности; очень малое число людей занимают административные должности или заняты в бизнесе. Технический колледж, в котором я преподавала, занимает территорию бывшей обувной фабрики, которую не спасла от закрытия даже протекционистская политика Узбекистана в сфере экономики. Основное промышленное предприятие региона – шахта по добыче ртуты, расположенная на территории Киргизстана, в Хайдаркене, – в начале 2000-х гг. работала только на треть своей мощности советского времени; в последние годы там сократили многих работников из Соха.

Конечно, такой упадок характерен не только для данного региона. Однако, как мне часто говорили, необычный административный статус Соха повлиял на то, что люди стали уезжать “в город” (*ба шахр*) значительно раньше, чем из других частей Ферганской долины. Причины этого вполне очевидны: несмотря на то что орошаемые земли, особенно непосредственно получающие воду из р. Сох, достаточно плодородны, в регионе острая нехватка земель. Во многих махаллях вообще не осталось свободных участков, которые можно было бы выделить новым молодым семьям; в силу этого представители нескольких поколений продолжают жить вместе в едином домохозяйстве, организованном вокруг одного двора (*хавля*). Эти обстоятельства оказывают серьезное давление на молодых людей, поскольку они должны найти средства на покупку участка земли по коммерческой стоимости и, зачастую, оплатить все расходы на собственную свадьбу¹⁵.

Во-вторых, в противоположность соседним районам Киргизстана, земля здесь не приватизировалась. Фермеры, которые обрабатывают земли, находящиеся в кооперативной собственности, имеют мало самостоятельности в вопросе о том, что выращи-

Рис. 1. Мужчины готовят плов к свадьбе в своей махалле

вать и по какой цене продавать полученный урожай. Поскольку Сох граничит с Киргизстаном, в регионе часто сравнивают свою экономическую ситуацию с соседями. Во время моего полевого исследования в 2004–2005 гг. жители Соха ощущали, что могли бы лучше зарабатывать и обеспечивать свои семьи при наличии возможности самостоятельно выращивать и продавать урожай. В-третьих, стоимость товаров народного потребления здесь выше, чем в других частях Ферганской обл., из-за того, что товары ввозят через границу. Мои друзья и знакомые часто жаловались, что мясо, символ сохского гостеприимства, стоило здесь дороже, чем даже в г. Фергане; многие товары, такие как одежда, удобрения и растительное масло, продавались по завышенным ценам из-за трудностей и затрат на провоз их в анклав через несколько таможенных постов.

Мобильность в контексте гендера. Сезонный выезд на заработки в Сохе традиционно был и остается связанным с половыми различиями. Несмотря на усилия советского государства по трудоустройству женщин, очень малое число сохских женщин имели возможность получить высшее образование и сравнительно мало женщин были заняты в формальной экономике региона. Отчасти это связано со сложностью получения высшего образования на таджикском языке; кроме того, родители воспринимают возможность отправить дочь на учебу вдали от дома как “риск” для ее шансов на замужество¹⁶. Исторически отъезд в Самарканд, Ходжент или Душанбе, где можно было получить высшее образование на таджикском языке, считался допустимым и даже престижным для сыновей; но для дочерей это понималось как угроза провести многие годы в ожидании подходящего партнера для замужества. И в настоящее время девушки в Сохе, окончив девять классов школы, могут пойти учиться в медицинское училище с двухлетним сроком обучения или технический колледж, но крайне редко продолжают образование дальше.

Это напрямую влияет на перспективы занятости женщин в формальном секторе, а также означает, что дочерей стремятся рано выдать замуж (обычно до 19 лет, и зачастую до окончания школы), чтобы женщины родили своих детей в молодости. Кроме

того, это – стремление ограничить мобильность женщины рамками ее нового дома. 24-летний Парвиз, который делал приготовления к свадьбе с 17-летней дочерью сестры своей матери¹⁷, ответил на мой вопрос по поводу юного возраста невесты: “Есть *хадис*, где говорится: зачем откладывать хороший поступок?”. Девушки старшего школьного возраста часто высказывают беспокойство быть “бременем” для родителей, если они проживут слишком долго в родном доме, не имея возможности вносить свой вклад в семейный бюджет. Одновременно для матерей незамужних девушек вопросы, шутки и рассуждения о том, кто попросит руки их дочерей, становились одной из постоянных и самых эмоциональных тем вечерних разговоров¹⁸.

От молодой женщины после замужества ожидают проявления “услужливости” (*хизмат*) по отношению к новым родственникам; она живет в доме и выполняет работу по хозяйству под руководством своей свекрови (*каин-она*). В литературе по Центральной Азии хорошо описаны бытовые и психологические проблемы, которые возникают во взаимоотношениях невестки и свекрови. Реже замечается, что *хизмат* является настолько же пространственной, насколько и социальной практикой и что отношения власти как раз маркируются и реализуются за счет регулирования мобильности женщин. В частности, в Сохе *келин* (невестка) перед выходом за пределы домохозяйства должна спрашивать разрешения у родственников мужа; посещения ее родительского дома регулируются семьей мужа, а в пределах одной махаллы некоторые места считаются исключительно мужскими (в особенности мечеть, чайхана и бильярдная)¹⁹. Пространство внутри дома также имеет гендерную специфику. Так, Сайора, в доме которой я жила, при возвращении мужа с работы обычно перемещалась вместе с маленьким сыном поближе к двери и клала матрасы и подушки у теплой дальней от входа стены, чтобы муж мог прилечь. Если к мужу приходили друзья, она вообще уходила во внешнюю неотапливаемую кухню, входя в дом только чтобы принести кушанья и убрать грязную посуду.

Такие отношения в доме часто приводятся в качестве объяснения, хотя и косвенного, факта отсутствия семейной миграции в Россию, когда муж и жена выезжают вместе, с детьми или без них. “Кто будет смотреть за детьми, если ей [жене] тоже придется поехать?” – так мне часто отвечали на вопрос о возможности семейной миграции. Мужчины часто говорили о том, что “Россия – это не то место, чтобы привозить туда наших женщин”. Мне говорили, что жизнь в России “суровая”, там не уважают скромность, а “наши женщины не знают русского”, что делает их уязвимыми в чужой стране. Также условия работы и проживания мужчин – на стройках, в вагончиках или в тесноте и скученности съемной квартиры – делают невозможным поддержание гендерных моделей поведения, а пространственное отделение мужчин и женщин друг от друга является центральным элементом сохской идентичности, *сохчилик*. Как-то раз за вечерней трапезой в честь окончания поста Рамадана в махалле, где я жила, Толибджон, который ездил на работу в Россию, а в промежутках между выездами был водителем микроавтобуса в Сохе, рассуждал на тему, что российская стройка была бы неподходящим местом “для здешних женщин”. Говоря о том, что в Сохе гендерные нормы менее “свободны” в сравнении с городами в Узбекистане, он заметил: “Если я хочу зайти к Парвизу [муж в семье, где я жила], а его нет дома, дома только Сайора [жена], я подожду снаружи или зайду позже. Если я зайду в дом, она смутится. А теперь подумайте, что было бы, если бы мы жили все вместе в вагончике? [Смеется.] Я смогу зайти?! Нет, так не пойдет. Я должен выказать ему [Парвизу] уважение”.

От женщин ожидают адекватного поведения, проявлений заботы, уважения и скромности, и эти ожидания влияют на миграционные стратегии. Чтобы проследить объем женской и мужской миграции, можно обратиться к результатам исследования. Из 437 поездок на работу в Россию в период 2000–2005 гг. только восемь были приняты женщинами, что дает уровень женской миграции для пятилетнего срока менее 2%²⁰. Для сравнения, в кишлаках с преимущественно киргизским населением,

Рис. 2. Женщины изготавливают кирпичи для постройки нового дома на мигрантские деньги. Сох. Июль 2005 г. Фото автора

расположенных в соседней долине Исфары, доля поездок для того же периода (2000–2005), совершенных женщинами, составила 14,8% – и более поздние свидетельства из этого региона говорят о том, что доля женской и семейной миграции значительно увеличивается.

Если понимание надлежащего женского поведения формирует и определяет характеристики миграции, то равным образом, хотя и менее очевидным, на нее воздействует представление о надлежащем *мужском* поведении. Ник Мегоран (Nick Megoran) описывает “гегемонную узбекскую маскулинность”, где мужчины воспринимаются “в первую очередь, как послушные сыновья, а затем уже как главы своей семьи, ответственные за ее жизнеобеспечение” (Megoran 2008: 22). Это определение полезно и для исследования маскулинности в Сохе, поскольку освещает сложное сочетание требований различных ролей (а в ситуации миграции эти роли часто

конкурируют). Хороший мужчина Соха, в первую очередь, обязан оказывать уважение родителям, что выражается не только в материальном обеспечении, но и в форме регулярных посещений и оказании практической помощи. Часто мужчина должен просто быть *доступен* – чтобы принимать участие в совместных работах (*хашар*) как представитель своей семьи, отвозить членов семьи для участия в социальных событиях в кишлаке или представлять семью на махаллинских собраниях. Такие обязательства часто фигурировали в ответах респондентов-мужчин, которые решили *не* уезжать в Россию на работу. Сын обязан также обеспечивать свою семью, обычно включающую его родителей, жену и детей. В Сохе рассказывают много историй успешных поездок, и мои собеседники подкрепляли свои слова, указывая на видимые изменения в домохозяйствах (построен второй этаж, установлена спутниковая “тарелка” на крыше, припаркованная машина во дворе...); также отмечались изменения, произошедшие с самими молодыми мужчинами (более уверенные, получившие новые навыки, более “космополитичные” и с лучшим знанием русского языка), и хорошие поступки, которые сын смог совершить благодаря заработанным за границей деньгам: участие в расходах на свадьбу, проведение *тоя* по поводу обрезания сына, участие в расходах на похороны, помощь пожилому родственнику для поездки в *хадж*.

Миграция как область возможностей... Период работы за границей (или, более точно, несколько сезонных выездов) в случае успеха дает возможность значительно изменить социальное положение мигранта; как отметили К. и Ф. Оселла, “ускорить индивидуальное развитие и способствовать становлению зрелого мужчины” (Osella F., Osella C. 2000: 118). Этот процесс часто описывают в терминах изменений поведения тела, или *габитуса*. Мутабар-опа, чей 15-летний сын Нурилло после окончания девяти классов школы первый раз поехал в Россию весной 2005 г., ответила позднее тем летом на мой вопрос о влиянии, которое оказала поездка на Нурилло, указав на изменения в его внешности: он стал “сильнее”, менее худым, менее застенчивым и стал “понимать значение работы”. Другие мужчины отмечали изменения в одежде и поведении мигрантов. “В России мы узнали запах денег”, – улыбаясь, сказал Валиджон, указывая на

группу молодых людей в кожаных куртках спортивного стиля. “Я помню, как я вернулся в первый раз; я был одним из первых здесь, кто купил кожаную куртку, и еще купил зонтик для защиты куртки от снега. Зонтик! Люди смеялись надо мной, но они просто не понимали, что если ты хочешь, чтобы что-то прослужило тебе долго, эту вещь нужно беречь. Они не думают о будущем в таком ключе. Но вот появился я с кожаной курткой, и берег ее; и сейчас у нас каждый второй мужчина имеет кожаную куртку”.

Способность миграции “создавать отличия” была особенно заметна в тех случаях, когда молодые люди смогли накопить на собственную свадьбу, помочь соседям в свадебных расходах или внести долю в расходы на *суннат-той* племянника. Такие случаи позволяли публично продемонстрировать материальный успех и социальную ответственность. Родители хвалили сыновей, которые демонстрировали свою открытость и готовность к взрослой жизни тем, что участвовали в расходах на семейные праздники; наличные деньги и подарки из России являлись значимой частью ритуального обмена подарками во время таких событий, а видеозапись праздника показывали гостям дома и в дальнейшем, что позволяло еще раз продемонстрировать успех.

Общие праздники и их материальные следы также помогали заново вовлечь мужчин, отсутствовавших дома девять месяцев в году, в сети общинной солидарности. Как отмечала Карен Фог Олвиг (Karen Fog Olwig) применительно к миграции из Вест-Индии (*Olwig 1997: 17–37*), отъезд на заработки может совмещаться с явной демонстрацией принадлежности к месту – и такая демонстрация очень значима для индивида. В случае с мужчинами Соха свадьбы и другие общественные праздники служили не только выражению материального успеха и щедрости. Они также являлись средством артикулировать и подтвердить материальные связи с *именно этим* куском наследственной земли в *именно этой* махалле – перед отъездом надолго.

...и источник риска. Как показано выше, миграция может выступать поворотным моментом, знаменовать вступление в новый этап жизненного цикла. Однако миграция чревата рисками. Высока вероятность потерпеть неудачу в России, и мне приходилось слышать многие зачастую трагические рассказы о мужчинах, которые не могли уехать из России домой, потому что у них просто не было денег на обратный билет. Большинство сохских мужчин заняты на низкооплачиваемой и нестабильной работе²¹: у них не оформлено разрешение на работу, отсутствует трудовой договор и зачастую они подвергаются эксплуатации со стороны работодателей, сотрудников полиции и посредников, через которых находят работу в строительной сфере. Более того, чем дольше мигрант остается в России после трех месяцев, в течение которых действительно временная регистрация, тем выше становятся риски, связанные с его нелегальным статусом. Мигранты, которые столкнулись с трудностями в России, оказываются в ситуации фактически долговой кабалы, поскольку они выплачивают значительную часть своего дохода местным чиновникам, чтобы их присутствие оставалось “невидимым” для налоговых и правоохранительных органов. Здесь есть и риски для здоровья и жизни. На пути домой они часто сталкиваются с вымогательством взяток и грабежом; нередки несчастные случаи, а поскольку большинство работников не имеют страховки, то при несчастном случае или травме на производстве мигрант вынужден оплачивать стоимость лечения или возвращения домой самостоятельно, или же эти расходы несут его ближайшие родственники или друзья²².

Так, занятость мигранта имеет определенные ограничения: работа низкооплачиваемая, без оформления необходимых документов и может прекратиться в любой момент в силу разных причин (для обмана со стороны работодателя в языке уже появилось специальная идиома – “кидать”); все это затрудняет исполнение традиционного гендерного поведения. Один информант выразил это, заметив, что миграция означает, что мужчины берут на себя женские роли, а женщины – мужские, т.е. происходит нарушение “надлежащего” мужчинам и женщинам поведения. Курбан, который жил на стройке в Иркутске в вагончике с несколькими мужчинами из

его махалли, рассказал мне, как он принял решение зарабатывать на хлеб самому в России, и о последующем разочаровании, когда этот хлеб оказался “как кирпич”, черствым и безвкусным. В сходных выражениях 19-летний Рахматулло рассказывал, как он стирал свою одежду по ночам, когда его соседи спали, чтобы они не застали его за “женской работой”. В условиях скученности сфера частного крайне ограничена, и большинство основных дел – сон, мытье, приготовление пищи, бритье и поход в туалет – требовали обсуждения и договоренностей с другими по поводу времени и места. Кратко говоря, жизнь на стройплощадке могла сделать подростка мужчиной, но также подвергала риску базовые составляющие человеческой жизни.

Проверка дружбы. Представление о маскулинности в Сохе связано с ожиданиями надлежащего исполнения семейных ролей – отца, сына и мужа, а также обязательств, накладываемых дружескими и соседскими отношениями и отношениями одноклассников. В первую очередь друзья и бывшие одноклассники помогают новому мигранту найти работу; он может рассчитывать на их помощь, а также понимает, что и от него попросят помощи в свою очередь. Исследование в Сохе ясно показало важность таких связей. При поиске своей первой работы лишь менее 5% респондентов прибегали к помощи кого-то, кто *не* был связан с Сохом, – это могли быть российские посредники, реклама, объявления в газетах или коммерческие агентства. Также более половины людей с миграционным опытом указали, что они в свою очередь смогли пригласить кого-то на работу: 20% респондентов пригласили одного человека, 38,3% – двоих или больше.

Влияние социальных связей на жизнь в России проявлялось и в других видах. Большинство сохских мужчин указали, что они жили вместе с выходцами из своей махалли, и это рождало яркое ощущение “барачного товарищества”. Когда мужчины рассказывали о своей жизни “в городе”, они обычно показывали фотографии, как они отмечают дни рождения за импровизированным столом, где скатерть постелена между нарами в вагончике, контейнере и других помещениях, которые служили им домом. Мне часто говорили, что только в таких сложных условиях рождается “настоящая дружба”, и она определяется тем, насколько мужчины были готовы помочь коллегам, друзьям и соседям в трудном положении.

Однако социальные связи и дружба действительно испытываются на прочность в таких условиях. Как-то зимой во время обеда Кобил, 45-летний учитель химии, который в 1970-х гг. ездил в Москву для участия в олимпиаде для одаренных школьников, рассказывал о потрясении, которое он испытал, вернувшись в Россию 30 лет спустя при совсем других обстоятельствах. “Знаете, они обращаются с тобой, как будто ты недочеловек”, – говорил он о своей работе художника-оформителя в строящемся частном доме. «Мой хозяин был шокирован, когда узнал, что я имею диплом. Он спросил: “А что, на родине для тебя нет работы?!” Но у нас с ним была общая родина!». Кобил описал свое негодование, когда ему заплатили только часть оговоренной суммы за полное оформление дома; при этом, чтобы закончить работу раньше срока, он придумал оригинальный способ сделать ее быстрее, снимая деревянные панели со стен для покраски, а затем устанавливая их на место. Он рассказал о своем потрясении, когда ему выделили спальное место на голых досках, не дав ни матраса, ни постельного белья: “Неужели они думают, что мы привезем с собой матрасы из Узбекистана?”. И он сказал, каким авторитетом он пользовался в Сохе как учитель и каким ударом в силу этого было для него слышать оскорбительное слово “чурка”, которое употребляется преимущественно в отношении выходцев из Центральной Азии в контексте “темные, неразвитые”.

Но именно боль разрушенной дружбы заставила Кобила в результате уехать домой и вернуться к учительской работе, получая в Сохе мизерную часть денег, которые он зарабатывал в Иркутске. Он описал этот поворотный момент так:

Твой лучший друг даже не узнаёт тебя в России. Это трагедия. Я потерял одного из моих лучших друзей таким образом. Друг работал в России уже очень долгое время; он был там и тогда, когда я приехал в Иркутск с надеждой, что он мне поможет. Я столько раз помогал ему в Сохе! Но там что-то меняется в головах людей. У него был день рождения, он сидел там с двумя российскими друзьями и даже не пригласил меня. Ну, не само то, что он не пригласил [задело меня], но то, что это символизировало. Я имею в виду, на своем дне рождения вы можете сидеть с тремя друзьями, или с пятью друзьями, какая разница? Но я думаю, он хотел мне показать, что он не считает меня другом. У него свой круг друзей здесь – русских, и он не хотел, чтобы я присоединился к их компании. Он нашел в России свою нишу, он работал, а я только что приехал. И он хотел напомнить мне, что здесь у него была власть надо мной.

Позже в нашей беседе Кобил сказал, что в такой ситуации “разрушенных” социальных отношений многим было проще остаться в России, чем вернуться в Сох и столкнуться со строгой оценкой своих действий и требованиями махаллинского социума:

Там люди совершенно в другом мире. Они забывают о жизни в Сохе, о своих родственниках, семье и друзьях и том факте, что когда-то им придется вернуться и предстать перед лицом родственников в своей махалле снова, испытать стыд за то, что ты отверг кого-то в России. У нас говорят, что настоящие друзья познаются в беде. И это правда. Я много выпил и сказал тому человеку, что отныне не считаю его другом.

Требования местного общества являлись повторяющейся темой многих бесед, их часто приводили в объяснение того, почему мужчины – меньшинство, однако составляющее значимую долю, – порывали все связи с женами, родителями и детьми в Сохе. Мутабар-опа, которая ранее отмечала возвращение ее младшего сына Нурилло из первой поездки в Россию, говорила о трагедии молодых невест, которые только вышли замуж и у них почти не было возможности узнать своих мужей перед тем, как те уехали, оставив жен в одиночестве ожидать их возвращения. “Они [уехавшие мужчины] заводят там вторую жену, детей, а его жена сидит *здесь*, ждет, ждет... Он не пишет, не посылает денег и ему стыдно вернуться. [Он знает], что люди будут говорить!” Для молодых невесток период ожидания в доме родственников по мужу долог и полон неуверенности – это усугубляется их беспомощностью в вопросах контроля над семейным бюджетом. Если семье достаточно повезло и они получают денежные переводы от отсутствующего мужчины, эти средства обычно направляются отцу и братьям, а не женам; в результате жена и дети мигранта могут быть последними, кому достанется часть денег. Для самих мигрантов дилемма “остаться [в России] и накопить” или вернуться в конце сезона рассматривается в контексте груза ожиданий семьи: вернуться с пустыми руками после девяти или 21 месяца отсутствия означает неудачу, это почти невозможно.

Миграция, брак и “вторые жены”. В контексте этой проблемы миграция стала предметом научных дискуссий по вопросам сексуальности, верности и сложностей “брака на расстоянии”. Длительное отсутствие мужчин, которое негативно влияет на брачные отношения, стало сюжетом многих статей и выпусков новостей, освещающих жизнь мигрантов в России. Недавние газетные публикации фиксируют, в частности, растущую распространенность среди таджиков, работающих в России, “развода по SMS” (RFE 2009); трудности, с которыми сталкиваются покинутые уехавшими мужьями женщины, пытаясь претендовать на законную долю имущества (*Odinaeva, Olimova* 2009); риски для женского здоровья, связанные с распространением ВИЧ и заболеваний, передающихся половым путем, среди мигрантов, возвращающихся домой (France-Press 2003).

Эти проблемы, хотя и не в такой явной форме, обсуждаются и в Сохе в разговорах о миграции и ее последствиях для семейной жизни. Большинство женщин, с которыми

я говорила, признавали, что отсутствующие мужья имели внебрачные отношения в России с “европейскими” (т.е. русскими) женщинами. “У каждого нашего мужчины есть в России своя Галочка, Танюшка”, – отметила 30-летняя Сайора, подчеркивая этой ласкательной формой русских имен ту интимность, из сферы которой она была исключена²³. Некоторые в Сохе полагали, что я, имеющая европейскую внешность, оказалась в районе в качестве чьей-то “второй жены”. Конечно, внебрачные отношения достаточно распространены, но не настолько, как это может показаться из всех историй, циркулирующих в Сохе. Реалии 6–7-дневной рабочей недели, низкие зарплаты и отсутствие личного пространства на стройплощадках и в вагончиках означают, что возможность завязать личные отношения крайне невелики, а мужчины часто описывают рабочий сезон как время, когда все человеческие нужды и желания подчинены необходимости заработать, скопить деньги и не попасться местной полиции. Для сохских недокументированных мигрантов, у которых отсутствует регистрация по месту пребывания, выезды за пределы стройплощадки сведены к минимуму, а посещение проституток сопряжено с риском. Появление “вторых жен” в основном относится к сравнительно небольшой группе мигрантов с более прочным положением: это те, кто чувствуют себя комфортно в городе, живут в квартире и чьи заработки позволяют некоторую степень материального комфорта и безопасности.

В моем исследовании я не ставила целью установить, насколько распространен такой тип отношений; здесь важно, как восприятие России в качестве места обширных возможностей для сексуальных контактов и эмоциональных привязанностей влияет на обеспокоенность оставшихся на родине прочностью брака, как в бытовом, так и в моральном смысле. Публикации последних лет показывают, как миграция в удаленные города формирует новые паттерны потребления; кроме того, мигранты склонны к новым типам социальных и сексуальных отношений²⁴. При этом меньшее внимание уделялось изучению вопроса о том, как новые отношения мигрантов влияют на переоценку остающимися дома собственной модерности. В Сохе факт широкомасштабной миграции мужчин в место, которое считается более “продвинутое”, с большей степенью свободы, чем дома, способствовал обсуждению различий в социальных обязательствах и сексуальном поведении. В рассуждениях сохских жен мигрантов Россия представляла местом, совмещающим в себе возможности и моральный риск: там были высокие, красивые, откровенно одетые и опытные в сексуальном плане женщины, которые знали, по выражению Сайоры, как “удовлетворить” мужчин; место, где женщины независимы, но, что поразительно, не озабочены благосостоянием своих родителей, братьев и сестер. Кроме того, в этих рассказах Россия выступала местом, где терпимо относятся к факту смены сексуальных партнеров и никто не озабочен чувствами жен, которые остались сидеть дома и ждать возвращения мужей.

Вместе с мыльными операми и мюзиклами, которые смотрят в Сохе через спутниковые тарелки, миграция способствовала созданию определенного образа России и россиян; кроме того, миграция влияет на обсуждение вопросов регулирования сексуальных отношений в Сохе. Для жен, которые остались ждать, в неуверенности в том, вернется домой их муж или нет, эти дилеммы особенно остры. Мехригуль, наполовину таджичка, наполовину татарка, мать четверых детей, говорила о своей злости по поводу того, что она остается без денег, поскольку муж тратит заработки на любовницу в России, и о тяжелом постыдном разговоре, который она имела с мужем после того, как он отказался приехать домой уже четвертую зиму подряд. Но жена может испытывать значительное эмоциональное давление даже в случае, если она уверена, что муж вернется и проведет дома три месяца в году. Одна молодая невеста, которая вышла замуж в декабре 2005 г., рассказывала, что чувствует вину за то, что она “задерживает” отъезд мужа в Россию, поскольку до мая следующего года ей не удалось забеременеть. Ее отвезли на дорогое ультразвуковое обследование в Фергану, и ее (не) способность иметь детей стала предметом семейных обсуждений: следует ли ее мужу

все-таки уехать, чтобы не пропустить строительный сезон, который и так уже был в самом разгаре, или паре следует продолжить попытки завести ребенка? Женщины также жаловались на то, что в местных медицинских учреждениях работали преимущественно мужчины (единственная женщина-гинеколог, к которой могли пойти женщины Соха, работала на территории Киргизстана), а также на нехватку информации о заболеваниях, передающихся половым путем. Одна женщина средних лет, смеясь над собственным “невежеством”, рассказывала, что впервые услышала об угрозе СПИДа на семинаре, который проводился одним НГО. При этом она подумала, что речь идет об опасности употребления алкоголя (она услышала “спирт”), и удивлялась, почему ее пригласили на семинар, ведь она не пьет.

Кроме обеспеченности состоянием системы здравоохранения в районе, представление о значительном распространении внебрачных связей в России стало частью более широкого дискурса “отсталости” Соха. Многие женщины были далеки от мысли критиковать мужей за неверность, относя причины внебрачных связей на счет “невежественности” и “скромности” сохских женщин. Иными словами, миграция привела к появлению новых видов рефлексии о регулировании сексуальных отношений дома. Яркий пример такого дискурса выявился в беседе с 50-летней Мутабар-опа, матерью Нурулло. Мы разговаривали на скамейке около уличной водоколонки, когда мимо нас прошла молодая *келин*. Женщина несла два тяжелых ведра с водой, сильно согнувшись, чтобы не расплескать воду, поскольку дорога шла в гору. Она была одета в обычную рабочую одежду *келин*, которая только что вышла со своего двора, – выцветшую зеленую накидку поверх длинного серого платья, на ногах были черные галоши, волосы повязаны платком. Мутабар и я говорили о каком-то совершенно другом предмете, когда появление молодой женщины с ведрами заставило Мутабар резко сменить тему. Злосчастная *келин* еще не отошла далеко и могла все слышать, когда Мутабар эмоционально заговорила о “некультурности” сохских женщин, а я тщетно пыталась подыскать адекватный ответ:

Посмотри, как она согнута, как старуха! Посмотришь на нее сзади и не скажешь, двадцать ей лет или пятьдесят. Наши женщины не имеют представления о том, как одеваться, как прихорошиться, как сделать так, чтобы мужчина чувствовал себя хорошо. Даже в постели они ведут себя как коровы, поворачиваются в нужную сторону, чтобы муж мог удовлетворить свое желание, а потом сразу переворачиваются обратно!

Затем Мутабар-опа связала эту мысль с темой нашего предыдущего разговора о миграции из Дехконабада, ее махалли:

Думаешь, это удивительно, что наши мальчики в России все взяли по одной блондинке? Они никогда раньше не видели такого женского тела. Наши женщины не знают, как проявить ласку. Они просто сидят вот так, отводя глаза!

На высказывания Мутабар без всякого сомнения оказал влияние тот факт, что она вышла замуж в Сох из более промышленно развитого Северного Таджикистана и считала себя более “развитой” и культурной, чем женщины молодого поколения в ее махалле. Однако она не одинока в таких мыслях. Сплетни и разговоры о женщинах, которые остались “сидеть дома”, особенно если они не родили детей, могут быть резкими и ранящими. В свете того, что степень уважения к женщине зависит от ее замужества, а авторитет в доме свекрови строится на способности к деторождению, общественное мнение о мужской неверности может легко свестись к предполагаемым “неудачам” его жены.

Таким образом, сохские женщины оказались в парадоксальной ситуации. С одной стороны, им надлежит скрывать свою сексуальность, как того требует сохская идентичность, *сохчилик*. В то же время их критикуют, как это сделала Мутабар-опа, за то, что они недостаточно привлекательны для мужей. Колетт Харрис (Colette Harris)

описала сходные процессы в Хатлонской обл. Таджикистана как патриархальную логику контроля. Харрис пишет о мужчинах-мигрантах: “Несмотря на то что они узнали более открытые отношения в России, что заставляет их жаловаться на скуку в своем браке, они не позволяют своим женам или дочерям быть более мобильными и открытыми внешнему миру. Несмотря на ворчание мужчин, кажется, последнее, что бы они хотели, это видеть своих таджикских жен русифицированными” (Harris 2004: 148).

Мне кажется, что истина в этом вопросе более сложна, чем предполагает нарратив мужского доминирования. Контроль над женской сексуальностью связан с требованием надлежащего поведения от мужчин; они, по мнению Харрис, отказывают своим женам и дочерям в свободе, чтобы “не разрушить их комфортабельное существование дома”. Но это не все. Требования соответствующего поведения от мужчин и женщин являются продуктом сложной системы социального порядка (social order), куда включены как иерархия поколений, так и контроль мужчин над женщинами. В разговорах на тему, почему они не могут дать женщинам больше свободы (например, разрешив им поехать с собой и работать в России), мужчины часто говорили об их обязательствах по отношению к родителям: поведение *келин*, особенно в период отсутствия мужа, оценивается как показатель уважения сына к своим родителям.

Существует и другой фактор, который не позволяет объяснить проблему только в контексте патриархальности. Ведь помимо обязательств перед своей семьей есть и обязательства перед махаллинским сообществом, и индивидуальная идентичность в значительной степени определяется членством в этом сообществе. Роль махалли в регулировании социальной жизни, ее материальных и моральных аспектов постоянно обсуждалась моими респондентами; также этому вопросу посвящены многие научные публикации по Центральной Азии. Мне часто говорили, что “лучше потерять свою религию, чем потерять свое сообщество”²⁵ – и риторическое противопоставление здесь используется, чтобы показать, что потерять что-то одно из перечисленного означает утрату собственной идентичности. Махалля, где могут отпраздновать событие и высказать порицание, осудить и посплетничать, формирует социальный конформизм. Колетт Харрис недалеко от истины, рассматривая контроль над женской сексуальностью как важную составляющую таджикской маскулинности. Но мы должны поместить это в контекст более широкой социальной системы. Именно потому, что представления о маскулинности в Сохе тесно увязаны с пониманием сыновнего долга и своего места в махаллинском социуме, молодые люди так активно стараются держать женщин “на их месте”.

Заключение. Сезонная и долгосрочная миграция в Россию способствуют размышлениям мужчин и женщин о компонентах сохской идентичности и требованиях, которые она предъявляет индивиду, и о прочности брака “на расстоянии”. Как я показала выше, эти требования сложны и противоречивы: успешный сезон в России позволяет молодому человеку упрочить свой статус полноправного члена сообщества, поскольку он может обеспечить свою семью, приобретает новые умения, привычки и социальное признание; старшие поколения мужчин в советский период достигали этого службой в армии. Однако мигранты работают преимущественно без оформления документов, в условиях низкой оплаты и эксплуатации, дискриминации по этническому признаку. Такая дискриминация унижает мужское достоинство выходцев из Центральной Азии. Все это говорит, что риски и негативные следствия миграции значительны. Задачей настоящей статьи было показать сложность данной проблемы, и это может помочь пониманию того, какие причины помимо экономических лежат в основе решения уехать в Россию на работу или нет.

В этом ключе моей задачей также было изучение маскулинности в Центральной Азии вне тех жестких категорий, в которых ее обычно рассматривают. В Узбекистане понимание “идеального” мужского поведения находится в контексте дискурсов модернизации, включая проекты религиозных и государственных реформ, в том числе

реформы армии. Как показал Н. Мегоран в недавней публикации, тексты президента республики способствуют формированию имиджа узбека как мужественного человека, исполняющего свой сыновний долг и выказывающего неколебимую лояльность государству (Megeran 2008). В общественном поле достаточно много текстов, сходных с президентским, где феномен мужской идентичности предстает скорее одномерным; сходным образом описывается и женская идентичность. Этнографический анализ позволяет увидеть изменчивость гендерных ролей, которые помещены в поле влияния разных источников власти. Для современных мужчин Соха значимы требования быть хорошим сыном, мужем, отцом, другом, членом махаллинского сообщества, старшим членом семьи и гражданином; но эти роли не всегда легко совместить. От мужчины ожидают проявления уважения к родителям и сыновней заботы, что зачастую вступает в противоречие с необходимостью материально обеспечивать свою семью, а также привозить подарки “из города”, чтобы продемонстрировать дружеские чувства и подтвердить свою принадлежность к местному сообществу.

Комплексный взгляд на сложную картину может способствовать лучшему пониманию того, как широкомасштабная миграция в Россию из сельских районов Центральной Азии трансформирует гендерные роли, а также показать границы данных трансформаций. Миграция содействует распространению знаний о том, что гендерные роли и семейные отношения отличаются “там”, в принимающей стране, и это становится предметом обсуждения в местном сообществе. Однако неверно было бы считать, как это сделано во многих газетных публикациях, что миграция способствует краху очень многих браков и значительным изменениям в сексуальных отношениях дома. Для лучшего понимания связи гендера и поколенческой иерархии, роли члена семьи и члена местного сообщества в мужской идентичности современного Соха нам необходимо более глубокое понимание происходящих процессов, не ограниченное привычным дискурсом “патриархальности” и сопутствующего ей “консерватизма” сельских регионов.

Пер. с англ. Н. Зотовой

Примечания

¹ См., например: Олимова, Бокс 2003; Röhner 2007; Bichsel, Hostettler, Strasser 2005; Ruget, Usmanalieva 2008; Thorez 2007, Piart 2010, Khusenova 2010, Belouin 2010.

² См. работу Thieme 2008, где обсуждается необходимость привнести гендерную перспективу в анализ трудовой миграции из Центральной Азии.

³ См., например: Osella F., Osella C. 2000; Gamburd 2000; Levitt 2001; Keough 2006.

⁴ По проблеме хиджаба и “множественной модерности” см. McBrien 2007; по проблеме вступления в брачный возраст см.: Kuenhast 1997, Love and Broken Glass 2006; по вопросу использования “сексуальных стратегий” см. Nazpary 2001; по мобилизации понятия “стыд” см.: Tett 1995; Harris 2004; Werner 2009; Borbieva 2007: 119–152.

⁵ Важное исключение здесь составляет недавний анализ проблемы мобилизации гегемонной маскулинности узбеков в риторике президента Каримова по вопросу андижанских событий 2005 г., проведенный Ником Мегораном: см. Megeran 2008.

⁶ См.: Ghoussoub, Sinclair-Webb 2006: 4; Ouzgane 2006: 1; Kay 2006; Ушакин 2005.

⁷ В исследовании мотивов “похищения невест” в Киргизстане, который она называет “охотой на женщин”, Лори Хандрахан (Lori Handrahan) говорит о похищениях в целях женитьбы как о “методе киргизских мужчин отметить женщин, вступающих в брачный возраст – преследование, захват и физическое принуждение к замужеству” (Handrahan 2004: 208).

⁸ Эти зоны отчетливо пространственно локализованы, в их пределах выбирают брачных партнеров и совершают предписанные ритуалом визиты. Из соображений конфиденциальности названия махаллей и имена информантов были изменены.

⁹ Эта проблема более детально рассмотрена в статье Ривз 2009.

¹⁰ В некоторых окраинных махаллях есть несколько семей, считающих себя киргизами. При этом здесь исторически была распространена традиция межэтнических таджико-киргизских браков, а большинство “киргизских” семей, проживающих в Сохском р-не, говорят по-таджик-

ски и дают детям персидские имена. Это составляет значительный контраст с поселениями выше по течению Соха, которые расположены на территории Киргизстана. Здесь жители считают себя киргизами и говорят на киргизском языке, они неприязненно относятся к идее межэтнических таджико-киргизских браков и подчеркивают культурные, языковые и экономические различия между двумя этническими группами.

¹¹ Здесь и далее: все цитаты взяты из полевых материалов автора.

¹² Сох как “долину торговцев” воспринимают не только сами сохские мужчины, но и их соседи по долине. Так, в киргизских кишлаках Согмент и Газ, расположенных выше по течению реки, трудовая миграция также имеет большой масштаб, но в меньшей степени влияет на жизнеобеспечение домохозяйств. Среди жителей киргизских кишлаков торговые способности таджиков часто являются предметом обсуждения и нередко вызывают саркастические комментарии: “Они бы продавали и воздух, если бы нашли способ запечатать его в бутылки!”, – сказал мне один старик из Согмента.

¹³ Эта цифра не включает в себя выезжавших в Россию на учебу или службу в армии.

¹⁴ Для анализа были взяты домохозяйства, а не семьи, поскольку четкий состав семьи установить сложно. Домохозяйство, как указывает само слово, объединяет всех проживающих под одной крышей в текущий момент и составляет единое образование в экономическом плане. Домохозяйство может включать в себя более одной нуклеарной семьи, и несколько поколений. Средний размер домохозяйства составил 6,55 чел.; самое маленькое состояло из 1 чел., самое крупное – из 18 чел.

¹⁵ По контрасту с таджиками из других частей Ферганской долины в Сохе принята практика уплаты выкупа за невесту (*калыма*) наличными (обычно 300 тыс. узбекских сумов, что составляет 300 долл.); сторона жениха также покупает одежду для невесты и быка для свадебного застолья.

¹⁶ По этой проблеме см.: Harris 2004; Tett 1995.

¹⁷ Кузенные браки сейчас являются обычным явлением в Сохе, и представляется, что экономические проблемы увеличивают распространение подобных браков.

¹⁸ По этому же вопросу см. Harris 2004: 99.

¹⁹ О махалле как пространстве гендерно специфицированных “особых манер” (“distinct manners”) см. Liu 2002: 94–146.

²⁰ Результаты не включают в себя те домохозяйства (их незначительное число), в которых в момент исследования никого не было; некоторые из них потенциально могут быть домохозяйствами, где одновременно отсутствуют и жена и муж. При этом нужно отметить, что миграция из Соха в высокой степени гендерно специфицирована, и местные жители ее понимают сходным образом.

²¹ Результаты исследования показали, что заработки в России сохских мужчин, занятых в частной торговой деятельности, были значительно выше, чем занятых в строительстве, которые составляли большинство. Ежемесячный заработок варьировал от 1200 до 30 000 руб., самый высокий доход в 30 000 руб. был указан обеспеченным продавцом сухофруктов. Средний месячный заработок составил 6200 руб. (230 долл.), а большинство указанных заработков для 2005 г. варьировали в промежутке от 5000 до 9000 руб. (185–330 долл.).

²² Поскольку Узбекистан не раскрывает данные по миграции, очень сложно оценить количество таких трагедий. Во время моего исследования я узнала о трех случаях со смертельным исходом – два произошли на стройплощадке, а одна загадочная смерть наступила во время длительного переезда через весь Казахстан в Сибирь. Практически каждый информант мог назвать кого-то, кто погиб или серьезно пострадал в России. Мне также рассказали о системе неформальной взаимной “страховки”, которая покрывала расходы на транспортировку тела на родину, если кто-то из данной махаллы умирал в России.

²³ Очень редко такие отношения становились заметными и в Сохе. Однажды меня пригласили в дом Хакима, зажиточного торговца, который недавно вернулся из России вместе с Леной, русской женщиной средних лет из Новосибирска. Хаким представил Лену как свою “вторую жену”; во время разговора выяснилось, что она была его квартирной хозяйкой, а также посредником: помогла Хакиму взять в аренду торговое место на одном из рынков города.

²⁴ Mary Beth Mills, например, показала, что для молодых незамужних женщин из сельского Таиланда миграция в Бангкок позволяет “достичь уровня личной автономии, который невозможен для них в деревне; в то же время выполнять обязательства по отношению к своим семьям” (Mills 1997: 44).

²⁵ На сохском диалекте это звучит как “аз джамият буромадана, аз дин буромадан нагзтар”.

Источники и литература

- Олимова, Боск 2003 – Олимова С., Боск И. Трудовая миграция из Таджикистана. Душанбе: Международная организация по миграции, 2003.
- Ривз 2009 – Ривз М. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Киргизстана // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). С. 262–280.
- Ушакин 2005 – Ушакин С. “Человек рода он”: футляры мужественности // Вопросы философии. 2005. № 7. С. 34–56.
- Belouin 2010 – Belouin S. Projets et stratégies migratoires de femmes qualifiées a Tachkent // Dynamiques migratoires et changements sociétaux en Asie centrale. P.: editions Petra: 2010. P. 297–318.
- Bichsel, Hostettler, Strasser 2005 – Bichsel C., Hostettler S., Strasser B. Should I Buy a Cow or a TV? Reflections on the conceptual framework of the NCCR North-South Based on a comparative study of international labour migration in Mexico, India and Kyrgyzstan: NCCR North-South dialogue working paper. Berne, 2005.
- Borbieva 2007 – Borbieva N. Development in the Kyrgyz Republic: Exchange, Communal Networks, and the Foreign Presence: Ph.D. diss., Dept. of Anthropology, Harvard Univ., 2007.
- Connell 1995 – Connell R.W. Masculinities. Cambridge: Polity Press, 1995.
- Cornwall, Lindisfarne 1994 – Cornwall A., Lindisfarne N. Introduction // Dislocating Masculinity: Comparative Ethnography. L.: Routledge, 1994.
- France-Presse 2003 – Tajikistan-Russia-AIDS: Tajik migrant workers bring back money, gifts and often AIDS from Russia // Agence France-Presse. Dec. 14, 2003.
- Gamburd 2000 – Gamburd M. The Kitchen Spoon's Handle: Transnationalism and Sri Lanka's Migrant Housemaids. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2000.
- Ghoussoub, Sinclair-Webb 2006 – Ghoussoub M., Sinclair-Webb E. Introduction // Imagined Masculinities: Male Identity and Culture in the Modern Middle East / Eds. M. Ghoussoub, E. Sinclair-Webb. L.: Saqi Books, 2006.
- Gidwani, Sivaramakrishnan 2003 – Gidwani V., Sivaramakrishnan K. Circular Migration and Rural Cosmopolitanism in India // Contributions to Indian Sociology. 2003. Vol. 37, No. 1–2. P. 339–367.
- Handrahan 2004 – Handrahan L. Hunting for Women: Bride-Kidnapping in Kyrgyzstan // International Feminist Journal of Politics. 2004. Vol. 6, No. 2. P. 207–233.
- Harris 2004 – Harris C. Control and Subversion: Gender Relations in Tajikistan. L.: Pluto Press, 2004.
- Kay 2006 – Kay R. Studying Men in Russia: Historical Perspectives and International Contexts // Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change? Aldershot: Ashgate, 2006. P. 1–18.
- Keough 2006 – Keough L. Globalizing “postsocialism”: Mobile Mothers and Neoliberalism on the Margins of Europe // Anthropological Quarterly. 2006. Vol. 79, No. 3. P. 431–461.
- Khusenova 2010 – Khusenova N. La féminisation des migrations de travail tadjikes en Russie // Dynamiques migratoires et changements sociétaux en Asie centrale. P.: editions Petra: 2010. P. 278–296.
- Kuenhast 1997 – Kuenhast K. Let the stone lie where it has fallen: Dilemmas of gender and generation in Post-Soviet Kyrgyzstan: Ph.D. diss., Dept. of Anthropology, Univ. of Minnesota, 1997.
- Levitt 2001 – Levitt P. The Transnational Villagers. Berkeley, CA: Univ. of California Press, 2001. P. 97–106.
- Lindisfarne 1994 – Lindisfarne N. Variant masculinities, variant virginites: rethinking “honour and shame” // Dislocating Masculinity: Comparative Ethnographies / Eds. A. Cornwall, N. Lindisfarne. L.: Routledge, 1994.
- Liu 2002 – Liu M. Recognizing the Khan: Authority, Space and Political Imagination Among Uzbek Men in Post-Soviet Osh, Kyrgyzstan: Ph.D. diss., Dept. of Anthropology, Univ. of Michigan, 2002.
- Love and Broken Glass 2006 – Love and Broken Glass: Documentary / S.A. Helminen. Denmark: Nordlys Film, 2006. 35 min.
- Marsden 2007 – Marsden M. All-male sonic gatherings, Islamic reform, and masculinity in northern Pakistan // American Ethnologist. 2007. Vol. 34, No. 3. P. 473–490.
- McBrien 2007 – McBrien J. On Push-up Bras and Headscarves: Experiencing Multiple Modernities in Kyrgyzstan: Central Eurasian Studies Society Conference Paper, 2007.
- Megoran 2008 – Megoran N. Framing Andijan, Narrating the Nation: Islam Karimov's Account of the Events of May 13, 2005 // Central Asian Survey. 2008. Vol. 27, No. 1. P. 15–31.

- Mills* 1997 – *Mills M.B.* Contesting the Margins of Modernity: Women, Migration and Consumption in Thailand // *American Ethnologist*. 1997. Vol. 24, No. 1. P. 37–61.
- Nazpary* 2001 – *Nazpary J.* Post-Soviet Chaos: Violence and Dispossession in Kazakhstan. L.: Pluto Press, 2001.
- Odinaeva, Olimova* 2009 – *Odinaeva M., Olimova L.* Marriage vows not always enough in Tajikistan: Institute for War and Peace Reporting Report on Central Asia. No. 564. Jan. 30, 2009.
- Olwig* 1997 – *Olwig K.F.* Cultural Sites: Sustaining a Home in a Deterritorialized World // *Siting Culture: The Shifting Anthropological Object* / Eds. K.F. Olwig, K. Hastrup. L.: Routledge, 1997.
- Osella F., Osella C.* 2000 – *Osella F., Osella C.* Migration, Money and Masculinity in Kerala // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2000. Vol. 6, No. 1. P. 117–133.
- Ouzgane* 2006 – *Ouzgane L.* Introduction // *Islamic Masculinities*. L.: Zed Books, 2006.
- Piart* 2010 – *Piart L.* Des mondes marchands mobiles. Les commerçantes à la valise ouzbèkes // *Dynamiques migratoires et changements sociétaux en Asie centrale*. P.: éditions Petra: 2010. P. 247–277.
- Reeves* 2007 – *Reeves M.* Travels in the Margins of the State: Everyday Geography in the Ferghana Valley Borderlands // *Everyday Life in Central Asia: Past and Present* / Eds. J. Sahadeo, R. Zanca. Bloomington, IN: Indiana Univ. Press, 2007. P. 281–300.
- Reeves* 2008 – *Reeves M.* Border Work: An Ethnography of the State at its Limits in the Ferghana Valley: Ph.D. diss., Dept. of Social Anthropology, Univ. of Cambridge, 2008.
- RFE 2009 – RFE/RL Tajik Service [сайт]. I Divorce U :) [Электронный ресурс]. Sept. 8, 2009. URL: http://www.rferl.org/content/I_Divorce_U_/1818070.html.
- Röhner* 2007 – *Röhner I.* National and International Labour Migration. A Case Study in the Province of Batken, Kyrgyzstan: NCCR North-South dialogue working paper. No. 8. Berne, 2007.
- Ruget, Usmanalieva* 2008 – *Ruget V., Usmanalieva B.* Citizenship, migration and loyalty towards the state: a case study of the Kyrgyzstani migrants working in Russia and Kazakhstan // *Central Asian Survey*. 2008. Vol. 27, No. 2. P. 129–141.
- South Asian Masculinities 2004 – *South Asian Masculinities: Context of Change, Sites of Continuity* / Eds. R. Chopra, C. Osella, F. Osella. New Delhi: Women Unlimited, 2004.
- Tett* 1995 – *Tett G.* Guardians of the faith? Gender and religion in an (ex) Soviet Tajik village // *Muslim Women's Choices: Religious Belief and Social Reality* / Eds. C. Fawzi El-Solh, J. Mabro. Oxford: Berg, 1995. P. 128–151.
- Thieme* 2008 – *Thieme S.* Living in Transition: How Kyrgyz Women Juggle their Different Roles in a Multi-local Setting // *Gender, Technology and Development*. 2008. Vol. 12, No. 3. P. 325–345.
- Thorez* 2007 – *Thorez J.* Itinéraires du déracinement – L'essor des migrations de travail entre l'Asie centrale et la Russie // *Espaces, Populations et Sociétés*. 2007. No. 1. P. 59–71.
- Werner* 2009 – *Werner C.* Bride abduction in post-Soviet Central Asia: marking a shift towards patriarchy through local discourses of shame and tradition // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2009. Vol. 15, No. 2. P. 314–331.

M. Reeves. Migration, Masculinity, and the Transformation of Social Space in the Sokh Valley, Uzbekistan

Keywords: migration, masculinity, Uzbekistan, gender, domestic space

This article explores the relationship between gendered migration and transformations in social space in the Sokh valley of Uzbekistan, from where many men leave to work seasonally in Russia. The article argues that migration and masculinity are co-constitutive, in ways that reveal much about the complexities of gender and generational dynamics in contemporary Sokh. A period of work in Russia has the potential to confirm a young man's status and identity as a man, but it is also fraught with existential and emotional risks. Meanwhile, the fact of widespread male absence is raising the stakes of "staying behind" for those men who are unable, or unwilling to leave to work "in town" in ways that are likely to be important for future migration dynamics. The article cautions against assumptions that gendered migration is producing a wide-scale breakdown in marriage in rural Uzbekistan. To understand why, it argues, we need an explanation that moves beyond patriarchy or the inherent "conservatism" of rural society to explore both the inter-play of gender and generational hierarchies, and the role of community and family membership in articulating ideals of Sokh manhood today.